

А.Е.СНЕСАРЕВ

ПИСЬМА А.Е. СНЕСАРЕВА из ИНДИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

1899 - 1904

Сестре Клавдии Евгеньевне Комаровой.

29 июля 1899 г.

Завтра из Ташкента, где пробыл две недели с лишним, пускаюсь в путь окончательный. Я много видел уже и мое внимание взято многим, но когда я берусь писать тебе, во мне встает одна единственная дума, что я тебя видел так мало... не более жалких 20 минут. Еще когда я собирался в путь, я все скомбинировал в твоём домике: прощание, последние беседы... но это не удалось и ты мне всюду так не доставала. Сегодня вечером, душным, теплым вечером – я долго бродил около своего дома, думая о тебе.

Между нами около 4 тыс. верст! Все, что окружает меня, совсем не такое как у тебя: люди, деревья, воздух, климат... все иное, все говорит об ином складе жизни, о других верованиях, помыслах, чувствах...

Перейду к делу: я отправляюсь по высочайшему соизволению в Индию на 6 – 8 мес[яцев]; так как об этом сказано уже в английских газетах (напр. Times), в нашем «Новом времени» и других, то скрывать это нет смысла. Половина пути мною будет сделана официально, (я считаюсь гостем Великобритании на всей территории Индии), остальная, вероятно, иначе. Во всяком случае, риска от этого не меньше (если не больше) и лучше бы было, если бы не говорили слишком много (последнее относится особенно к сестрам, [которые] не прочь похвастать своими братьями). На командировки (на 6 мес[яцев]) я получил 5 тыс. + разных других до 2 тыс. Мне уже сшили статский костюм, закупили валенки, вьюки, полушубки и т.д. Я нанял себе джигита (лакея из туземцев)... Все готово, завтра выезжаем в 12 час. ночи.

Я завязал немало знакомств с некотор[ыми] иностранцами: одним

англичанином, живущим в Индии, 2 французами и т.д. Фамилия моя теперь уже известна в мире. Англичанин, приехавший из Лондона в Ташкент, в тот же вечер справлялся – что капитан Снесарев уже успел приехать из Петербурга... Все это на первый раз меня сильно удивляло; немало стесняло меня внимание со стороны иностранцев при личных столкновениях... теперь я начал привыкать и смотрю на это как должное... словом зазнаюсь.

Я не могу, милая, писать тебе, что видел и переживал, если я сойду с газетой по содержанию и направлению моих корреспонденций, то таковые договорят тебе многое, чего я не скажу... они могут начаться печатанием в последних числах июля и следовать на промежутке равном 10-12 дням. Я озаглавливаю их: «В Среднюю Азию (путевые впечатления)», подписываюсь Де-ш (т.е. Детьш).

До сих пор я чувствую себя хорошо; на море выдержали в течение почти всех 36 часов очень свежую погоду: укачало почти всех (т.е. заболели); из пассажиров 1-го класса лишь один я обедал, завтракал с капитаном, остальные валялись; во 2-м классе здоров был тоже только один; на палубе 1/20 разве уцелели. Здесь выношу жару сносно, (ты и представить себе не можешь здешней духоты), лихорадкой еще не заболел, погань никакая не укусила...

Письмо твое никак меня застать не может, ответ пиши по такому адресу:

«В Британскую Индию.

East Indies (of Britania).

Raval-pyndy. Poste Restante.

A M-eur Snessareff».

Пиши письмо поскорее: я буду ехать через город и справляться в почтамте. Из Индии я буду писать тебе; ответы твои должны быть только невинные (как и вопросы): о своих, обо мне (здоровье, настроение...)... ничего, так или иначе относящегося до моей миссии, не может быть... Письма

храни... Я часто вспоминаю Паню¹: если бы не продолжительность командировки, я его потянул бы за собою... в будущем, конечно, побывает здесь, а, может быть, и поедит со мной... Словом, я получил многое, что-то мне удастся сделать; считаю, что это вопрос, главным образом, счастья, ибо гордость моя едва ли позволит, чтобы отсутствовали другие ресурсы. Прости за хвастливое письмо, но я только воспроизводил, что было, и, может быть, в некотором отношении еще был скромн (отношен[ие] ко[мандующего], общества в Ташкенте и т.д.).

Ей же

31 июля 1899 г. ст. Черняево.

.....

Адрес мой пиши так (а не так как я писал тебе) «В Британускую Индию, British India. Rawal-Pindi, To Mr Snessareff. Poste Rest.

Ответь на это письмо по возможности скорее; ...

Мне бы надо послать его заказным, но я пишу его со станции Черняево (к югу от Ташкента), где мне приходится ждать поезда на Андижан (знаешь, где была ночная резня) 10 часов, а здесь сделать письмо заказным нет возможности...

Со вчерашнего числа я оделся в статское и теперь хожу джентельменом... Лишь по крику (повелительному), который иногда срывается у меня, да по фигуре во мне можно было бы признать военного...

Какова судьба (возможная) наших путешествий: сегодня получил известие, что английский полковник Мак-Суини (мой приятель, едуший из России в Индию несколько иным путем) лежит сильно больной в Н. Маргелане и, может быть, будет не в состоянии выдержать путешествия в горах (требующего крепкого здоровья и особенно надежной груди)...

¹ Младший брат Андрея Евгеньевича – Павел Евгеньевич Снесарев. В качестве военного врача участвовал в русско-японской войне. Впоследствии известный ученый-медик.

Мой джигит производит очень внушительный вид: надел цветной халат, красную чалму, серебряную медаль и высматривает много эффектнее своего барина... имя его Атабай.

Ей же

17 августа 1899г.

Памирский Пост.

Перед расставанием с родной территорией пишу тебе еще раз...

Я нахожусь сейчас в Памирах, в 400 верст южнее гор. Оша на р. Мургаб... 11 дней как еду верхом по высотам 13-14 т. фут... Все вынес удачно; обыкновенно люди (в первый раз) подвержены головным болям, расстройствам желудка и течению крови из носа, рта и ушей... Температура на высотах и на данной географической широте – невозможная: открыто солнце – тропическая жара, закрыто и еще ветерок – стужа, в последнем случае еду по зимнему: баран[ий] тулуп, валенки и мех[овая] шапка... всегда набрюшник и голова укрыта фланелькой... Много видал нового и интересного, два раза охотился... словом еду с открытым ртом ребенка... Сегодня у нас дневка, а завтра мы с товарищем временно расходимся: он идет долиной р. Ак-су – более длинной (в обход афганской территории), а я пойду напрямик по перевалам, через четыре дня достигну афганской территории и 5 дней пройду по ней до границы английской... здесь подожду товарища... Со мной идут мой слуга Ата-бай, проводник (кэрэкэш) вьючных лошадей (у меня две) и несколько казаков (2-3)... Последние идут лишь два перехода, далее следую один... возможно, что афганцы меня не пропустят,... если не удастся пробиться, поверну на дорогу товарища (впрочем, этого не думаю...)... с англичанами я встречу первый и буду проситься, чтобы они разрешили товарищу идти через другой перевал (Мэн-Тэкэ), а не через Килик [который] слишком для него высок, суров и он его не перевалит... Сам иду последний с

англичанами... Я посылаю тебе свои записки, веденные мною по Памирам... я из вырвал из книжки, чтобы не подвергать опасности... возможно, что афганцы или англичане отберут у меня записанное (подлецы афганцы могут отобрать и все); пусть хоть это будет сохранено... Если заинтересуешься и сможешь, - прочитай, а после положи осторожно в конверт (папиросные листики должны оставаться между писанным: это сохраняет карандаш). Пометь, когда тобою получено и от кого и положи на хранение...

За делом некогда поговорить о чем-либо личном: дорогой, иногда, думаю о Пане; он мог бы с большим удовольствием совершать путешествия рядом со мною... нового и интересного без конца много, чего никогда увидишь, сидя на печи дома... Товарищ мой по путешествию человек хороший, но не моего склада. Он все уже успел мне рассказать в длинное путешествие и теперь мы едем с ним молча... Я же (не знаю сам почему) делаюсь все более и более разговорчив: много ли вижу и подавлен процессом восприятия или по другим причинам (есть и такие), сам не знаю... По приходе на ночлег Ата-бай (слуга) готовит мне походн[ую] постель, в головах образок, рядом на сундуке револьвер, карты и книги. Это мой походный кабинет... Чаще всего, пообедав приходится ложиться спать... утомление бывает так сильно, что если не дают сейчас есть, то я падаю на пол и моментально засыпаю... Раз на привале заснул под открытым небом, пошел дождь и мочил меня, пока не догадались разбудить... Если есть время, то я занимаюсь в кабинетике: пишу, читаю, изучаю карты...

Не знаю, начала ли газета печатать мои корреспонденции... было бы грустно, если бы она почему-либо нашла это неудобным...

Итак, ... До свидания (пока письменного) в Индии.

P.S. Пиши, что нового не только о нашей семье, но и в мире... Я ведь совсем отрезанный и давно ничего не знаю ни про Дрейфуса, ни про конференцию, ни про Петерб [ург], Москву... совсем дикарь...

Ей же

22 августа 1899 г.

ущ. Мыхман-Юлы

Подошел к афганской границе и посылаю тебе продолжение (по момент) моих записок. Юрта моя стоит как раз на границе; предо мною то ущелье (сейчас все в тучах), по которому завтра я двинусь. Вот уже четыре дня, как иду совершенно один (мой товарищ отстал от меня на один переход и пойдет той дорогой, о [которой] я тебе писал). Завтра 30 верст придется идти по Афг[анской] территории; выслал вперед разведчиков и они доложили, что афганцев не видно... Надеюсь завтра проскользнуть, для чего поднимаюсь с зарей.

Иду очень высоко (более 14 т фут.), вчера ночевал под перевалом на высоте 16 тыс. фут., у Ата-Бая ночью пошла носом кровь: по спуске сегодня в долину Ак-Су (13 тыс фут.) ему стало лучше... заболит он у меня и я останусь с дикарями один, без языка... Последние две ночи ночевал у памирских киргизов в юрте; с вечера пощупаешь еще около себя револьвер, а через две секунды так спишь, что могут унести не только револьвер, но и даже и самого за ноги...

Письмо посылаю с джигитом (служащим киргизом) на Памирский Пост, откуда оно будет переслано в Ош и отсюда уже пойдет почтой... Не забудь мне написать, моя ли рука будет на адресе или чужая (пишу все сам)... Карандашом исписано 10 листиков (римские цифры, на последнем имеется моя подпись; записки ведутся с 18 августа по 22-е) (до 3 часов).

Прекращаю писание – только что прибыл и очень устал: всю дорогу приходится за всем следить, многое запоминать; остановлюсь на привале, сейчас же за писание...

Когда-то я получу от вас вести: столько пишу, посылаю, а сам ничего и не получаю, и не знаю...

Завтра предстоят новые перспективы; только что привык к этим, как

открываются новые горизонты... Как бы не лопнуть от любопытства.

Лицо совсем облезло, волосы выросли, взгляд, вероятно, стал киргизским, на теле можно сеять огород.

Почти оканчиваю прорезывание Памира с севера на юг, и самому интересно обернуться (по карте) на пройденный путь – верхом и по таким высотам [которых] в мире больше нет (разве Тибетские)...

P.S. Думаю, иногда проследишь по карте, куда твоего брата носит? Это, право, интересно.

Ей же

24 августа 1899 г.

На р. Каллик

Мне удастся послать тебе еще несколько листков... Я нахожусь сейчас на китайской территории (у слияния р. Каллика и Кара-Чукура)... Афган[скую] террит[орию] проскочил благополучно – шел рано и в полном тумане (т.е. в облаках)... перевалил вчера перевал Мыкман-Юлы. Если бы ты могла себе представить, что это значит, по какой круче и камням приходится идти, лошади портят себе ноги... облака плывут уже под ногами, идешь по глубокому снегу, в 50 шагах пред собой видишь куски (край) ледника в 5 саж. толщиной... Товарищ мой отстал, англичанин не встречает, собственной палатки я не заводил и мне сначала пришлось спать под открытым небом, но к счастью, киргиз нашел в 4 верстах юрты; это оказались китайские надсмотрщики (около них живут и некоторые таджики)... Пришлось обрадоваться и надсмотрщикам, хотя их гостеприимством и кровлей надо пользоваться осторожно (обо мне немедленно послано известие китайскому начальству). Сегодня ожидаю английского офицера и товарища А.[А.А.Полозов] с [которым] двинусь далее и, вероятно, дня через 2 очутюсь на Британской территории... Письмо посылаю со своим киргизом; надеюсь,

что он благополучно проскочит через афг[анскую] и китайскую територ[ию], и донесет письмо до Памирского Поста, откуда его уже направят как следует. У Ата-Бая опять (после перевала, вероятно) плохо – ночью была рвота. Сейчас, кажется, ничего; сидит предо мною за очагом и готовит мне какую-то гадость... Какой-нибудь вариант из баранины... Как эта баранина опротивела, сил моих нет...

.....

Разорвал конверт, чтобы приписать немного... Мои китайские надсмотрщики чуть не зашалили: послали за другими, стали собираться в кучки и говорить Ата-Баю, что как же это на чужой земле русский офицер живет, вида никакого на представляет и знать ничего не хочет... Я велел передать кучке, что если они сейчас же не разойдутся, то я начну дуть их нагайкой одного за другим; это подействовало и стража китайск[ая] успокоилась... Час спустя приехал английск[ий] офицер - молодой, очень простой (с виду) человек... Кроме английского не знает никакого другого, я не знаю англий[ского] (практически) и начался у нас такой разговор: он говорил своему переводчику по-английски, этот моему по-персидски, а мой (Ата-Бай) мне по-русски... Объяснившись о деле, перешли к болтовне и, т.к. переводчики были лишними, то начали: он мне по-английски, я ему по-французски (он понимать немного может) и беседа пошла за любую душу... Посидел он у меня часа 2, напился чаю, представил двух канджутских принцев (порядочных ослов) и уехал... Завтра с товарищем (он приезжает сегодня) двигаемся к англичанину...

Тот же англичанин привез нам бумагу от политич[еского] агента в Гильгите, в [которой] он приветствует нас со вступлением на Британскую территорию и желает нам прекрасно провести на ней время... Очень лестно, но конечно, по-английски лицемерно... Вероятно, за нами следит уйма шпионов...

Ей же 25 августа 1899 г.

ур. Шерип-Майдан

Является возможность еще задержать отправку письма. Вчера вечером, около 6 час. товарища А. не было; ты можешь себе представить мое беспокойство: он мог заболеть на перевале, его могли схватить афганцы или китайск[ий] разъезд... Как было быть? Вещи нельзя бросить и я оставляю Ата-Бая (с винтовкой и шашкой), сам (с револьвером) велю седлать себе киргизск[ую] лошадь (своей предстоит завтра путь), беру джигита (того, что спас нас от «открытого» неба) и лечу искать А. Киргиз предо мною летит с горы на гору (с них хорошо и далеко видно), я за ним. Наконец, он скрывается и скоро летит назад с улыбкой на лице и указывает рукою вдаль... из его фразы я разбираю лишь слово «тиксырь» (господин), но я понимаю: он увидел А. Мы летим на одну шишку и, действ[ительно], вдали видим А. с прислугой – в ущелье. С радости мы бросаемся вниз, совсем по отвесной круче (лошади ползут на задах) и через 1/2 часа я пожимаю руку А., прислуга меня радостно приветствует... можешь ли ты представить себе потребность выручать один другого, когда находишься под риском... Джигит мой сиял от восторга... Скажу о нем! Это золотой человек (20 лет), молчаливый, скромный и до безумия исполнительный... Он мне нашел аулы, он проследил по моему приказанию путь отхода английского офицера, я его взял с собой, когда отправлялся один на поиски А. ... Я на него мог вполне рассчитывать. И как он рад, когда может что-либо сделать для меня, как улыбается его рот (без одного зуба), когда я похваляю его, как он в пути всегда держится около моего стремени... Сегодня я его отпускаю с этим письмом и с другими. Ему нужно проскользнуть через 3 земли (английскую, китайскую и афганскую) и он проскочит. Я долго думал, что бы дать ему на память и решил дать свой портрет с надписью... Как же он был доволен! Восторгу его конца не было... Я аж сам был рад за него... Кроме того, я дам ему денег и напишу о нем

особое письмо его начальнику (моему товарищу).

Сегодня мы прибыли к англичанину; нас встретили солдаты, два принца, масса челяди (англичане ездят с массой прислуги)...Почету нам масса... позавтракали мы превосходно, пообедали, вероятно еще лучше... Я понемногу начинаю говорить по-английски и, вероятно, дня через два-три освоюсь с ним... Нарочно согласился ночевать с ним в одной палатке, чтобы иметь практику...

25 августа 1899 г.
ур. Шерип-Майдан
(английск. Владения)

P.S. Посылаю еще записки (важны).

Ей же

9 сентября 1899 г.
Гильгит.

Давно не писал тебе... На другой дань (я писал тебе из местечка после пер. Каллик) нас нагнал другой англ[ийский] офицер, подп[олковник] Мак-Суини, [который] рассказал, что инцидент мой с китайскими стражниками получил некоторое дальнейшее развитие: получив угрозу быть избитыми нагайкой, они разошлись, но тотчас же послали другого нарочного с донесением их правительству... этот нарочный так гнал лошадь, что она на 40 версте пала... Мак-Суини, при возвращении из Китая, дорогой увидел одни лишь копыта (все остальное было съедено)... Плачущий посыльный рассказал ему, что какой-то русский офицер приехал, остановился, всех бьет, всех поразогнал... интересно, в какой преувеличенной оценке анекдот дойдет до Богдыхана...

Дня через три к нам присоединился еще один английский офицер – майор Модлей; и вот в приятном обществе трех собратий по оружию мы продолжали свой путь... почету хоть отбавляй.

Раджи Гунзы и Нагара отдавали нам визит, мы были во дворце одного из них... Характер езды несколько изменился: едем мы вдвое медленнее, чем ехали сами, обедаем (и вообще едим) прекрасно, на остановках среди дороги устраивается завтрак... вина, пиво, воды к нашим услугам (чем я, конечно, не пользуюсь)... словом комфорту много... Я держу себя по возможности в стороне и помалкиваю: характер работы требует большой сосредоточенности, наблюдательности и памяти... если вступать в беседы, то все повыскочит и для вечерней работы в голове ничего не останется.

Усиленно занимаюсь англ[ийским] языком, начинаю поговаривать немного, но понимать еще трудно: говорят быстро и ни одного слова не договаривают... Вчера (после почти 1½ месячного путешествия) в первый раз приехали в культурный угол – Гильгит (недалеко от слияния рр. Канджута и Ясина в Северной Индии), где были представлены двум барыням, несколькими английскими офицерам, докторам... Доктор оказался говорящим по-французски и я с ним наговорился вволю... Сегодня вечером будет парадный обед (для нас), на [который] будут приглашены и дамы. Меня посадят рядом с одной, [которая] говорит по-французски... Я совсем одичал: лицо черное, сам угрюмый, волосы совсем короткие, движения дикаря... Все смотрят на нас с любопытством, что еще больше меня стесняет... Сегодня придется нарядиться во фрак с белым галстуком... Адрес мой пиши так: вверху конверта (как у нас пишут «заказное» напиши и подчеркни To await arrival, а потом пиши:

«В Британскую Индию

British India. Lahore.

To Mr. Snesareff»

Скоро буду в Равальпинди, где с радостью ожидаю писем из России... Можешь ли ты ... представить себе, что это такое, что это за духовное удовлетворение... много тут интересного, а родины-то все-таки нет... она так далеко...

.....

В Симле будем представляться Вице-королю Индии (лорд Керзон)... вероятно, ты будешь об этом читать в газетах... Ата-Бай просил меня написать, что он тебе кланяется низко.

Ей же

16 (28) сентября 1899 г.

Марри

Получил твое письмо с Сринагаре (главный город Кашмира) и как я был рад, ты и представить себе не можешь.

Я писал тебе из Гильгиа, теперь я в Марри, небольшом городке (к западу от Сринагара)... С англичанами, как и нужно было ожидать, произошли недоразумения, [которые] в Гальгите такую было приняли для меня резкую форму, что я чуть было не поднял скандала ...

Теперь наше путешествие получило нежелательную для меня форму какой-то прогулки: всюду встречи, парадные обеды, тосты... После обеда музыка (я пою, вызывая незаслуженные восторги обеденных голосами англичан и англичанок). Газеты внимательно (полиция, платные господа, отчасти военные ... тоже) следят за нашим маршрутом и я нередко читаю, что русские офицеры тогда-то покинули такой-то город и отправились туда-то... Избежать суеты нет возможности, хотя я уклоняюсь, как только поймаю таковую.

Мой план остановиться в Лагоре не одобряется правительством Индии и оно разрешает мне лишь ездить по Индии, но, не останавливаясь нигде на продолжительное время. Это так грубо и неразумно со стороны правительства, что я склонен усматривать в недозволении, какое-либо недоразумение... Скоро буду в Симле и думаю поговорить лично с лордом Керзоном, – вице-королем.

В Сринагаре представлялся Магарадже, обедал у резидента и катался по окрестностям. В Марри вчера обедал у нач. штаба, сегодня буду у Командующего войсками Пенджабского военного округа... К обеду ряжусь во фрак, белый галстук, штиблетики с бантиками. Черные (с белыми крапинками) чулки... ну, словом, не то клоун, не то чучело. Но что же делать? Английский мой подвигается вперед: английские дамы стараются во всю, чтобы просветить меня: избегают немецкого или французского языка (правда, они их слабо знают) со мною, ободряют меня, говорят раздельными фразами... а я все упираюсь, как телок...

.....

Да и что такое чума? Да и сама то смерть? Через несколько месяцев буду в очаге ее – в Бомбее.

Пока пиши тот же адрес на Rawal-Pindi, только вместо Post rest, внизу, пиши наверху и подчеркивай: to await arrival... Где бы я ни был в Индии, прекрасно будут знать мой адрес: в Сринагаре я получал письма (три), адресованный на Rawal-Pindi без всякой просьбы с моей стороны о присылке... Это мое несчастье (что все знают). К тому же еще такой эпизод: один офицер генер[ального] штаба Англии представлялся в Петербурге военному министру и Его превосходительство сказал, что он выбрал для командировки в Индию меня, выбрал лично и надеется, что в удачно выполню задачи... Офицер рассказал об этом по прибытии в Индию и здесь (признавая ум и наблюдательность ген. Куропаткина) стараются, вероятно, удесятерить наблюдение за твоим несчастным братом...

...Посылаю тебе карточку: в середине сию я, вправо от меня 2 английского офицера, сзади слуги - мой и А. (мой ближе).

Сняты во время отдыха среди одного из трудных переходов пешком...

Ей же

29 октября 1899 г.

г. Лагор

С 18 – 27 октября я пролежал больной; доктора определили у меня лихорадку (здешнюю в малярийной форме) в связи с солнечным ударом. Я же полагаю, что сюда прибавились нравственные потрясения + переутомление (в Симле, уже больной, я работал свыше 14 часов в сутки... теперь доктора запретили мне читать). Вот только два дня, как я приподнялся с постели и могу себе позволить несколько шагов по комнате. Мне не позволила останавливаться на продолжит[ельное] время где-либо в Индии и только болезнь приковала меня несколько долго ее Лагору. Более 1 – 1½ месяцев я не буду в Индии. В середине декабря в Коломбо сяду на один из пароходов Добровольного Флота и 1-10 января буду у тебя. Оттуда придется по делам проехать в Москву и Петербург... Хотя бы скорее отсюда. Страна богатая, полная и оригинальная, но все плывет мимо, так много работы; читаешь, делаешь выписки, а вместе в гам фигурируешь на обедах, ведешь тонкие разговоры на 3-4 языках. На лице неизменное благорасположение и улыбка, а на душе те же муки, искание знаний, неугомонные волны самолюбия...

Опишу тебе парадный обед у Вице-короля Индии лорда Керзона. В тот же день мы были на чае (в 5 час. – английская мода) у Главнокомандующего войсками Индии. Здесь мы оставались недолго: Главнокомандующий только что оправился от болезни и был еще очень слаб... Еще до этого приглашения я получал письмо от одного из адъютантов лорда Керзона, в [котором] высказывалась просьба Его... чтобы я захватил с собой ноты (не просьба, а, скорее, надежда) и меня надеются услышать. Дело в том, что до сих пор я распевал: в Гильгите под гитару, в Сринагаре у Резидента (род губернатора) под рояль, – что нашлось... молва то и пошла... Я бросился в магазин и успел найти «Азру» Рубинштейна и «Лесного царя» Шуберта... Кроме того, у меня была в запасе песенка: «Я вас любил» на слова Пушкина. К 8 час. мы прибыли во дворец. Познакомились с несколькими лицами: это были высшие представители власти: нач[альник] штаба войск Индии, генерал-

квартирмейстер, секретарь по Иностр[анным] Делах, секретарь при Воен[ном] Департаменте, сестры Вице-королеви, дочь министра финансов Индии и т.д. Около ½ 9-го мы построились, и состоялся выход Вице-короля с супругой. Он и она подали всем руку. Потом каждый взял назначенную ему даму и повел к столу; мне досталась младшая сестра Вице-королеви, красивая, веселая американка и мы с ней с места же зафранцузили во всю. Когда входили в столовую, придворный оркестр играл «Боже, царя храни». Я сказал своей спутнице, что я – пришелец из дальней земли – весьма тронут таким вниманием и я ей не могу высказать, как волнуют меня эти звуки, [которые] я сейчас слышу. Она ничего не ответила и стала слушать музыку. За столом справа сидела американка, слева – нач[альник] штаба. Последний оказался страшно любопытным и мне пришлось, почти все время говорить с ним, да еще по-английски, ибо других языков генерал не знал.

Обед был, конечно, великолепен, зала, украшенная гербами Вице-королей Индии, еще великолепнее, рядом играл оркестр... Словом, эта сторона хоть куда. После обеда мужчины посидели немного отдельно, и, наконец, перешли в большую залу. Здесь, через несколько времени адъютант сказал мне, что Его Светлость удостаивает меня разговором. Я поднялся и подошел к лорду. Он попросил меня сесть, и началась беседа. Лорд Керзон высокого роста, с длинным бритым лицом (усы и бороду бреет), серые глаза, поставленные очень широко и имеют резко сосредоточенное выражение, лоб крупный... Все лицо можно назвать красивым (оно ровно розового цвета), если бы оно не было так холодно и самоуверенно... Ходит лорд с какой-то странной развалкой, некрасиво ставя ноги... Голос его я нашел слишком слабым для оратора и недостаточно гибким. Лорд говорит по-французски средне, медленно, но может говорить красиво...

Высокий хозяин спросил меня о путешествии, не устал ли я... говорили о его сочинении о долине Гунзы (мы с ним из числа очень немногих, издавших ее) и т.д. Как только я отошел, подлетел адъютант и попросил меня

петь. «Кто мне будет аккомпанировать?» Он указал на престарелую девицу, оказавшейся дочерью. Министра Финансов. Я пропел «Азру» (употребляя русские слова)... Так как меня просили сейчас же еще что-либо, я сам сел к роялю и аккомпанируя (по-просту) пропел «Я Вас любил»... Вице-королю это очень понравилось и он высказал удивление, что такая короткая песня... Прошло с полчаса и адъютант стал просить меня петь «Лесного царя»... Аккомпаниаторша отказалась, боясь не справиться с трудным аккомпан[иментом].; хотели, чтобы дирижер оркестра аккомпанировал. В конце концов села-таки девица и мы с ней исполнили «Лесного царя» (два раза чуть совсем не разошлись)... После этого со мной долго говорила о музыке Вице-королевша; хвалила мой голос и надеялась еще услышать... Через ½ часа Король ушел в апартаменты свои, и гости мало помалу разошлась.

Товарищ через день уехал из Симлы, а я остался там и занялся чтением... По утру от Вице-короля мне присылалась лошадь – Араб и я делал часовую прогулку по окрестностям, потом садился за книги и сидел за полночь... В Симле очень много обезьян. Они ходят стадами, прыгают по деревьям, по карнизам и крыльцам пустых домов... Я занимался в тиши, окруженный стеклами, и снаружи приходила обезьяна, садилась против меня и следила за моей работой. Но чуть я поднимался или делал большое движение, она моментально исчезала...

На это письмо не пиши мне ответа; оно придет не ранее 1-го января, а около этого времени я уже буду около Одессы...

Устал, писавши... голова болит...

.....

Посылаю снимок: я с английским доктором (самый маленький) и пятью английскими офицерами.

Ей же

29 ноября 1899 г.

Агра

Пишу тебе из Агры. Сегодня день моего рождения и мне, значит, стукнуло 34 года. Проехал из Лагора – Амритцар, Амбалу и Дели – много красивого, почтенно-древнего... Буду рассказывать после. Только с оставлением Лагора оставила меня лихорадка... мучила меня ровно месяц и я снизошел до безобразия; теперь вот уже 11 дней, как я здоров и начинаю вновь крепнуть. Последние дни говорю только по-английски, и, если встречаю людей, [которые] немного говорят по-немецки или французски и пробуют говорить со мной на этих языках, я прибегаю к своей старой уловке; начинаю говорить на этих языках очень быстрым темпом; собеседник, как слабо говорящий, ничего не понимает... Тогда я весьма вежливо и с внешним сожалением, замечаю, уже на английском языке: «Вам, вероятно, трудно изъясняться по-французски (или по-нем[ецки]), перейдемте на английский» и мы мирно переходим на оный, начиная, таким образом, мой английский урок...

.....

К тебе я рассчитываю приехать между 1 и 15 января. Напиши Пане в Петербург, чтобы он приезжал и задержи его до 15, а то и позднее... Я хотел бы его видеть.

Недели через 2 я покидаю Индию и из Калькутты проеду (морем) в Коломбо (остр. Цейлон), где сяду на один из пароходов Добровольного Флота и проследую дорогой Аден – Суец – Константинополь – Одесса – Панфилово...

.....

Посылаю тебе свой портрет; среди болезни мне стало лучше и в один из часов работы товарищ позвал меня сниматься; я выскочил с книгой, в очках и

снялся о думой о прочитанном, почему и вышел слишком угрюмым. Сзади меня случайно попал один из слуг отеля.

На это письмо не пиши мне, ибо я сам прибуду неделю спустя.

Приготовься варить мне щи (здесь была бурда)... Письмо, вероятно, придет около нового года, с которым сердечно вас поздравляю... Новое столетие!!! Что-то оно даст бедному человечеству...

.....

Ей же

Март 1900 г.

Почти месяц как в Ташкенте. Занят работой по составлению отчета о путешествии в Индию: самая тяжелая и скучная часть работы. Раз мне уже перебили работу, заставив представить один доклад начальнику штаба... Опять было взялся и опять перебивают: посылают встречать английского военного агента, [который] выезжает из Петербурга для путешествия по Туркестану; 19 марта выезжаю в Красноводск для встречи желанного гостя. Поручение более или менее почетное. Вероятно, придется провожать до границы, и, значит, опять садись верхом на лошадь и катай по Памирам... на ангельских высотах...

.....

Две недели как поселился в одной комнатке, плачу за нее и за полный пансион 45 руб. Комната с очень приличной обстановкой, с очень большим письменным столом, за [которым] я и работаю. Вся комната моя полна книгами: они лежат на диване (одном и другом), этажерке, стульях, креслах, полу, смущая моих посетителей.

Ташкенцы находят, что я слишком нелюдим, хотя гордым меня не находят... последний вывод я постарался отклонить всеми силами.

.....

Мой адрес: г. Ташкент. Зарабулакская улица. Дом Алиша Календарева.

.....

P.S. Можешь представить себе, что мои вещи и книги до сих пор еще не пришли... Черт знает что такое; а книги из Индии придут на днях (письмо получил)...

Ей же

14 июня 1900 г.

г. Андижан

Видишь, откуда пишу тебе... меня опять ветром подхватило и носит по углам Азии; на этот раз я участвую в полевой поездке офицеров Ген[ерального] штаба и состою при Генерале... «Место архиерейское», ворчат мои товарищи, принужденные работать в поле с утра до вечера... «Что делать, если я такой симпатичный», - возражаю я со свойственной мне скромностью, складывая калачиком губки...

Перед отъездом у меня была такая уйма работы, что я чуть не издох, теперь буду отдыхать...

Перед отъездом из Ташк[ента], я, как сказал, много работал, будучи Старшим адъютантом Отчетного отделения и редактором так наз. «Сведений по сопредельным странам». Я уже один выпуск напечатал, а по возвращении напечатаю и другой...

Время свое проводил так: до 2 часов в штабе, потом отдых до 4 - 5, потом или на тандеме с дамами, или верхом на лошади до 7 - 8 (у меня теперь хорошая лошадка верховая, [которую] мне уступил один товарищ), вечером работа... Свою поездку в Лондон я пока не оставил и, вероятно, осуществлю, но только позже. С сентября я, должно быть, кроме обязанностей по штабу буду преподавать в здешнем кадетском корпусе, что может воспрепятствовать моему близкому отъезду...

Получила ли ты мой фельетон в «Туркест. Ведом.»? Мне очень жаль,

что я написал очень небрежно, работая над ним в вагоне, на корточках, безо всяких книг под рукой... Я был вынужден к тому настоянием редактора, обратившегося ко мне как специалисту по некоторым сторонам брошюры... Товарищи меня поругала за то, что я был несколько резок... Напиши твое мнение.

Ей же

1 июля 1900 г.
под перев[алом] Бугушты.

Рано окончил переход и выхватил время написать тебе. Сейчас я нахожусь под перевалом Б-ы [Бугушты], в 30-35 верстак к югу от укрепл. Нарынского. До вчерашнего дня я был при генерале, но в конце концов это меня утомило, (хотя Г-л [Генерал] - прелестнейший человек: добрый, ровный и простой), захотелось быть одному и я убедил его отпустить меня; Генерал согласился с моими доводами и... я один. Моя небольшая команда состоит из двух казаков, одного переводчика и двух туземцев. Казаки в полном вооружении (по 30 боевых патронов), я с моим старым револьвером и пашкой.

Послезавтра думая быть на китайской границе (у перев. Терек), а потом хочу пройти по этой территории верст 30-40, до встречи с препятствием в форме большого китайск[ого] разъезда. Сейчас я сижу в кибитке, перед самой дверью (чтобы было светлее писать) и люблюсь, когда отрываюсь от писания, расстилающимся перед глазами видом: передо мной широкая долина р. Ат-Баши с каменистым руслом посередине, за равниной поднимаются небольшие горы; все это зелено, заходящее солнце дает всему какой-то своеобразный оттенок – светло-желтый; в дополнение к картине мне легко вообразить находящиеся за моей спиной высокие горы – Ак-Таш – отроги Тянь-Шаня, покрытые вечным снегом. Мне придется завтра переваливать их по пер.

Бугушты (12 тыс. фут.). Кругом меня в общ[ем] тихо; тихо журчит ручей, иногда прогремит на горах гром или донесется из соседних кибиток киргизский говор. На душе моей, когда я делаю ей запрос, ровно и тихо; мне бы трудно было ответить, хочу ли я что-либо и что именно... Города недавнего прошлого стоят позади, чем-то закрытые, и мне не хочется лететь к ним мыслью: встает на сердце что-то беспокойное и стыдное... Слушаю я по целым дням со знакомой тебе жадностью: сегодня мне, напр[имер], рассказали про одного киргиза охотника (он служит разъезжим в таможен[ной] страже): зиму он должен жить в Нарыне и тогда он скучает и худеет, «смотрит волком»; с весной он выходит на таможен[ный] пост и тогда охотится по целым дням; для него нет усталости, нет дождя, бури... только бы отпустили; зимой и то срывается... как только не пропал до сего времени; подарили ему винтовку, так он не оторвется от нее. Сегодня с охоты он придет вечером и мне придется посмотреть на него.

Вчера я рассматривал сталактитовые пещеры около Нарынского; пещеры из слабых, но вид с хребта был на Тянь-Шань (в 60-70- верстах снеж[ный] хребет) был прекрасен. Как были безжизненные и бледны все эти звуки «Гиндукуш», «Тянь-Шань», когда мы их зубрили в географии и какой дивный образ и фигуру принимают они, когда их видишь или когда их переваливаешь: они бесконечно более говорят чем Базировское кладбище о молчаливой природе и жизни бесконечной, и перед смущенной душой рисуют необъятные горизонты... (сейчас предо мною стоит киргизская собака, я бросил ей кусок хлеба, она его сожрала и теперь стоит у двери, махая хвостом и любовно глядя на меня... «Их Бог кормит», говорят люди о них, что тем более правдоподобно, что сама то киргизка Бог знает что ест)...

Опять меня отвлекли, сказали, что у охотника есть молодой марал (род горного оленя), я пришел к юрте и жена охотника вынесла мне его: это - молоденький олененок, 1 – 2 мес. без рог... он бросался морденкой ко всем по очереди и, наконец, нашедши свою кормилицу, стал сосать протянутый ею

палец... он мил, как и всякое маленькое животное, но он еще оригинален и забавен как маленький дикарь, украденный от горной матери... Интересна была киргизка, [которая], очевидно была сильно польщена вниманием публики, оказанным ее питомцу; она ласково улыбалась всем, держа себя просто и безбоязненно... Охотнику удалось убить в горах медведя; первая пуля не попала и пока охотник заряжал винтовку, медведь начал развлекаться, швыряя в него гальками, одной из [которых] чуть не убил; 2-я пуля уложила швыряльщика.

Сейчас пишу тебе при свечке, одетый в пальто - очень холодно; ночью может навалить на перевале снегу (он есть и сейчас и немного) и завтра будет трудно идти. Начинаю распускать разные слухи (киргизы – сущий телеграф: они все видят, все знают и моментально передают... узнав новость киргиз летит в соседний аул, где за сообщение получает баранью косточку), чтобы отвлечь внимание китайского разъезда в сторону, иначе мне не пройти. Не знаю, дойдет ли письмо до тебя: я его посылаю с оказией в Нарынское, поручая уже там наклеить марку.

Говорят про благодарность киргиз[ских] собак: получив от вас косточку, она ложится у двери вашей юрты и рычит на всякого, кто подходит к дверям, в том числе и на своего хозяина.

.....

Во время путешествия с генералом мне приходилось поддерживать почти всех спутников, когда они растеривалась; генерал умолял меня слезть с лошади, когда я ехал на ней или через дрожащий над пропастью мостик или по вертикальному снежному обрыву; тот же генерал не видел своими слепыми глазами, что в самых страшных местах, когда я боялся, что его лошадь может шарахнуть в сторону, или он по близорукости спотыкнуться в пропасть, я шел между генералом и пропастью по самому карнизу... Прости меня за хвастовство, но все же я хотел, чтобы ты меня видела... мне стало немножко грустно; на дворе темно, ручей журчит громче, теперь слышен и

шум реки...

Ей же

5 июля 1900 г.
урочище Караул-Дюбе
(у р. Терек)

В последнем письме к тебе я расхвастался, и, в конце концов, раскис, словно меня мутило какое-то предчувствие. Вчера, в сопровождении 2 казаков, я двинулся по китайской территории, сделал 29 верст и на обратном пути натолкнулся на вооруженных китайских солдат. Дело, в конце концов, кончилось благополучно, и я проскочил. Конечно, будь начальник китайского караула хоть немного решительнее (а у него было еще 15-20 киргиз, его подданных), дело бы кончилось не так добродушно... Вспоминая инцидент, я должен сознаться, что мне везет.

Сейчас нахожусь в 30 верс[тах] от границы и отдыхаю. Вчера пришлось с казаками сделать 118 верст (30 - по нашей территории, 29 - по китайской и обратно) и я пользуюсь благами дневки: выкупался, переменял белье, написал генералу (он неохотно отпустил меня, боясь, что я зарвусь) и успел даже тебе... Мне вспоминать теперь, что китайские солдаты стояли вокруг нас с толпой киргизов (в 5 шагах и начальник держал наготове, почти перед моим носом, свой карабин... Лишнее слово, подъем карабина (на 2 вер[шка]) и я, выцеленный почти в упор, шлепнулся бы как мешок с лошади.

Нет, видно, - чему быть, тому не миновать; поневоле станешь фаталистом.

Сейчас тихий, теплый день (я нахожусь на высоте 10-11 тыс. фут.) и подул небольшой ветер, через 1 – 2 часа будет холодище и может выпасть снег); я пишу тебе письмо, лошади наши отдыхают от трудов, валяясь на траве, казаки около моей юрты что-то делают с ячменем, в 10 шаг[ах] киргизы готовят мне обед...

.....

Ей же

23 августа 1900 г.

г. Ташкент

За хлопотами не ответил тебе сейчас же. Относительно тона моей статьи ты совершенно права: не к чему так писать, и в жизни всегда это дурно. Чтобы объяснить, почему я взял такой тон, приведу причины: 1) слишком не люблю англичан и теряю равновесие при всяком вопросе их касающемся; 2) Г-н, против которого писал, под личиной обще миролюбивого настроения, питал самые торговые замыслы... и мне это было известно; 3) редактор слишком торопил меня и мне не удалось даже хорошенько просмотреть своей работы.

Посылаю тебе посылкой две свои работы: они, может быть, несколько специальные, но все же кое-что найдется для прочтения... а, главное, они – воплощение моего труда, бессонных ночей... Я надписал «не подлежит оглашению», что надо понимать так, что другим, (кроме своих) их давать не нужно, ибо издание считается конфиденциальным.

.....

Полевая поездка наша состояла в изучении Юго-Зап. части Семиречья, [которая] еще очень мало исследована. В программу входили и военные цели. Писал ли я тебе, что через день после побывки а Кашгарии, я опять шел по китайской территории, причем пришлось на ней и ночевать... Все прошло благополучно. Относительно китайцев, думаю, что дело будет скоро кончено; идти едва ли придется. Потому что я слишком нужен в Штабе для целей военно-научных, прежде всего, и для многих текущих.

Мне досадно, что я не могу написать много. Пишу тебе в Штабе, урывая время от казенной работы. Мне теперь чаще и чаще приходит в голову фраза отца сыну (в одной из драм): «...Придет время когда не будет отбою от дела, и 24 часов в сутки будет слишком недостаточно». Меня давит эта ограниченность часов: я занят целый день и, между тем, 3 работ никак не могу

начать, не говоря про свои обещания перед Географическим обществом, газетой и тобою, [которые] я никак не могу выполнить.

Многое, что пишешь о Наде, заставляет грустить и все-таки недоумевать. Пиши о Пане подробнее. Хотел послать ему денег, но теперь думаю переслать тебе, а ты пока не стесняй его, навязывай... какая досада с его щепетильностью, [которая] меня много заставляет горевать.

Хотел бы написать тебе, как мне живется, каково в моей рабочей комнатке, как я беседую со своими животными (Васька – лошадь, Злюка – сука, белая борзая), как я их избаловал, как я стараюсь (и успеваю) создать прелести в своей одинокой жизни, то витаю фантазией в небесах, то, возясь со своими «глупыми» (Васька, по нашему общему выводу со Злюкой, совсем глупый), но так некогда...

Ей же

31 декабря 1900 г.

11 ½ час. ночи

1 января

12 ч. 45 м. 1901 г.

Через ½ часа Новый Год, я положил в сторону свою работу и начну с тобой беседовать. Ташкент сейчас веселится, все съехались в Военное Собрание и будет стараться встречать Новый год бестолковым образом... Никогда не принимал участия и надеюсь не принимать в будущем.

Мне хочется подвести с тобой итог за минувший год. Ему нельзя признать в некоторой важности: он является поворотным годом в моей жизни; до него я готовился (главн. образом) что-то делать, с него я начинаю делать. Как и прежде в моей жизни, перемен во мне и в окружающем я не замечал, а она была и большая (больше, конечно, в окружающем)...

.....

Возвратился я из Индии и принялся за то, что мне дали как причисленному к Ген. Штабу. Незаметно для меня работа, мне поручаемая, становилась серьезнее и важнее и, вскоре я занял, так сказать, исключительное место. Тут подошли мои работы в печати, мое пение, занятия в учебных заведениях... все это создало мне привилегированное положение в Ташкенте и сделало меня персоной...

.....

Подводя итоги тому, что сделал за год, я вижу, что то, что думал, я не исполнил: не написал отчета по Индии и никому не поведал. Что я видел в стране и что понял... Но в этом виноват не я, а обстановка: мне не дали работать. Я должен был приняться за другие работы, провожать военного агента, составлять «Сведения», вести штабную работу, учить детей... Работы было слишком много и она излишне разнообразна, чтобы я мог быть спокойным за ее качество.

Думая о будущем годе, намечаю себе две главные задачи: 1) Съездить в Лондон для усовершенствования в языке и знаниях по Индии и 2) Написать отчет по Индии... Как-то это мне удастся?

.....

Опять у меня стала побаливать голова (и сейчас болит). Был у доктора, он осмотрел меня внимательно и нашел, что я вполне здоров, но у меня начинается малокровие «на почве», как он выразился, «усиленной психики». Он мне категорически запретил сидеть по ночам более 12 часов, махая руками на мои доводы, что это невозможно. Дал мне какие-то капли: может быть они и помогли бы, если бы [меньше] работы... Впрочем, как будто лучше.

.....

В квартире у меня 4 комнаты, но я постоянно в одной – самой большой – моем кабинете: на стенах восемь планов (Индия и Средняя Азия) и, притом, масса книг – на двух этажерках, на трех столах, на диване, стульях, всюду... Большой письменный стол, к [которому] проведен электрический звонок,

мягкая мебель, чистота... уютно и тихо... со стола смотрит на меня «задумчиво и нежно» портрет умершей подруги...

.....

Ей же

5 июня 1901 г.

Хорог

Пишу тебе с афганской границы. Нахожусь сейчас на западе Памиров, в том месте, где р. Гунт впадает в Пяндж. Путешествие удалось совершить благополучно в обществе с четырьмя господами: генералом, его сыном, военным инженером и одним офицером. Завтра или послезавтра они возвращаются большой дорогой назад, а я, днем позже, с двумя казаками и переводчиком пойду глухими местами сначала к афганской границе (на юге), а потом сверну к китайской, где мне предстоит некоторая работа.

Я сказал «благополучно», но надо поправить: на Памирском посту у меня околела лошадь, повергнув меня в большую скорбь... Теперь еду на лошади одного киргиза.

Удовольствием дорогой получаю без конца, много записываю. В долине Пянджа знакомился с таджиками, [которые] являются наиболее чисто сохранившимися арийцами: некоторые их слова так напоминают некоторые наши, или немецкие, или французские слова, что просто поражаешься.

Начинаю понемногу говорить по-киргизски (одно из тюркских наречий), так что отчасти обхожусь без переводчика.

Если успею перед выездом в Лондон что-нибудь обработать, то пошлю материал в Имп. Географическое общество.

После стоячей жизни в Ташкенте и невероятных трудов [которые] мне пришлось там (за 3-4 офицеров Ген. Штаба) нести, я чувствую себя теперь прекрасно, поправился, пополнел... Словом, путешествие становится моей

сферой, областью громадных и разнообразных для меня наслаждений. Тут такая масса неожиданностей, сказаний, легенд, оригинальных сближений, что при моей пытливости и фантазии – образов и картин (внешних и духовных) не оберешься. Какой интересный народ, сколько поэзии, какие причудливые ландшафты!

Пойду по Шах-Дарье, долине почти неизвестной, а потом по Большому Памиру... опасаясь лишь немного, как бы не зарваться, а есть два соблазна.

Пиши мне, пожалуйста на Ташкент и поскорее, иначе письмо меня не застанет. Думаю там быть 8-10 июня, а через 10-15 дней тронусь в Лондон.

.....

Ей же

31 декабря 1901 г.

11 час. ночи.

Ташкент

Подходит Новый год, и мне хочется побеседовать. Товарищ мой ушел в Военное собрание «встречать Новый год», я, по обыкновению, встречаю по своему... Сижу дома, предаюсь воспоминаниям и чувствую себя не то несколько грустно, не то, скорее, мечтательно.

Обернусь на пролетевший год. Он был у меня очень удачный. Полгода я пробыл вне Ташкента – 2 месяца на Памирах и 4 – за границей, и если Памиры дали мне возможность видеть и пережить многое среди простых людей и дикой обстановки, то граница придавила меня такой суммой выводов и впечатлений, что под их тяжестью я останусь еще очень долго. Эти 4 месяца я должен считать истинным благом на страницах своей жизни.

Запасу наблюдений и общего материала захватил я за все 6 месяцев столько, что мне их переработать удастся не скоро.

Остальные месяцы пребывания в Ташкенте были поглощены текущими

работами по Штабу, главным образом, а один из них отработкой материалов по Памирам. Со стороны научной могу назвать год подготовительным, годом накопления материалов. Внешних результатов моих работ было немного: 2 книжки «Сведений», мелкие статьи там и сям, докладная записка о Памирах (о ней после) и несколько крупных работ по Штабу. По отношению к своему мирозерцанию год считаю влияющим, ибо границы уяснила и укрепила многие из моих взглядов, до того смутных и робких.

.....

Так, в нескладной передаче обрисовывается предо мной минувший год. Наступающий должен – в сфере работы – являться его непосредственным результатом. Его я начинаю писанием сочинения по Индии; сначала одно, популярное для публики, потом специальное, м.б. секретное. Почему-то чувствую, что с задачей, ожидающей меня, справлюсь.

Приехал я в Ташкент с бесчисленными сомнениями, но все они разъяснились в первые же 2-3 дня. Выговор сделать мне и Полозову было приказано Военным министром; второму сделано, обо мне же Командующий войсками написал лично письмо Начальнику Главного штаба с просьбой не простирать на меня выговора, т.к. я и так сделал много и больше сделать не мог бы. Встретило меня начальство очень ласково, а Командующий войсками свои вопросы заключил такими словами: « Я очень, очень рад, что снова вижу Вас в своем округе... своими знаниями и развитием, как и прежде Вы нам много поможете».

Но не только меня миновали сомнения, я получил даже несколько приятных сюрпризов. Например, перед отъездом в Лондон я написал докладную записку «О Памирах» на 42 листах и все время за границей думал, что она сдана под сукно. По приезде узнаю, что она, дошла да самого Командующего войсками, последний от нее в восторге (называл всякими лестными словами) приказал ее переписать и везет с собой в Петербург к

Военному министру; если и этот окажется в таком же восторге, то записка может дойти до Государя... многочисленные выписки дойдут во всяком случае, ибо статья поднимает много реформ, [которые] разделяются генералом Ивановым.

Сегодня привел только что все в порядок. Занес в каталог свои новые книги, написал всюду письма и завтра за сочинение.

Со своими животными Васькой и Злюкой вожусь без конца. Первый – лошадь – увидя меня, иногда, даже кричит, а всегда уже бьет передними ногами...

2 января выступаю в концерте: пою с одним тенором дуэт в имитации Славянскому [капелле Славянского].

.....

Ей же

Письмо – отрывок, первый листок отсутствует. Без даты и места направления. 1902 г.

Моя библиотека все растет: перед отъездом в Лондон в ней было 183 тома, теперь более 300. Стоимость ее уже теперь не менее 2 тыс. рублей; это мое – пока еще маленькое детище, на [которое] я нередко бросаю со своего места самые нежные взгляды.

В «Новом времени» от 15 марта [1902 г. № 9349 с. 3], была статья Сигмы «Из старой рукописи». Это недурно написано и с хорошим размахом фантазии... в нынешние дни многих потягивает в царство Великой Анархии.

Ей же

13 февр. 1902 г.

Ташкент

.....

Завтра высылаю тебе еще один выпуск «Сведений» с моей статьей «Абдуррахман...» так спешил ее составлением, что в некоторых местах едва могу понять сам себя.

Мысль твою о «Bel-Ami» понимаю, но разделяю не вполне, или, точнее, не делаю тех выводов на впечатления, как ты. Я полагаю, что Мопассан чисто частное явление, и притом гнусное, так обобщил и якобы оправдал, только потому, что не оказался на высоте своего дарования, как при писании «Une Vie». Толстой, например, объяснял так, что у Мопассана – громадного художественного таланта – нет нравственного критерия для освящения явления. Ты с ним говоришь, в сущности, об одном и том же.

Во всяком случае, искусству нет дела до нравственных или каких-либо тенденций; оно рисует жизнь типами, в формах общих или иначе, художественно воспроизводит законы природы, как их иными путями ищет наука. Все те писатели, [которые] проводили тенденцию, рядом с искусством тянули умышленное нечто, постороннее не переживали и 2 – 3 поколений, оказываясь смешными и странными. Прочитай «Бедную Лизу» Карамзина, назидательные французские или английские произведения и их фальшь, их пошлость будут говорить за себя, о каких бы прекрасных вещах они не говорили... Это надевание на прекрасную и великую природу своей жалкой, временной, узкой мерки. Этим элементом тенденциозности проходится объяснить, что Шиллер с годами все более и более падает, а Гете остается несокрушимым на своем пьедестале. Все крупное – Гомер, Данте, Шекспир – рисуют просто, безыскусственно, без умысла, – потому-то их творения – вечные книги и ты их читаешь с таким же наслаждением, с каким читали сотни лет назад, с каким будут читать наши дальние потомки. Но ты говоришь: Мопассан не осуждает разврата, пошлости... как будто это и должно. Ему и не нужно осуждать, но, вдумываясь в жизнь и рисуя ее художественно, он должен был бы обрисовать (образами, направленной фавулой), что иногда грязь получает силу, пошляки имеют удачу, но это –

частности и удачи-то самые частные и пошлые. Искусству не нужно проповедовать добро или благо, ибо последние как воздух разлиты по всей вселенной, и кто рисует ее как следует, не закрывает глаз, тот непременно будет рисовать это самое добро, хорошее, нравственное, тот невольно укажет нам на их первенство, на их м.б. единство в незыблемых устоях природы...

Ясен ли я? Я так спешу, что нет совсем времени сносно формулировать то, что думаю.

Мне приходит на ум разговор с моим практикантом (туземный учитель, [который] приходит ко мне для практики в языке); он задает мне вопросы: «Для чего бог создал человека?» Я попросил его сначала ответить, как он понимает дело. Он сказал «Бог создал человека, чтобы этот восхвалял творца». А я сказал: «Бог и человека, и природу, и все в ней до последнего таракана и полевой былинки создал для счастья, для блага».

В концерте я пропел дуэт с одним тенором и выступил, что бы выручить организацию дела... Вещичка маленькая «Хаз-Булат удалой, ...». Я замаскировался так, что меня не узнали некоторые... Все-таки газета упомянула, что в «концерте принял так же участие г-н Снесарев, хорошо знакомый Ташкенту». Впечатление произвел, ибо выгодно выделялся фразировкой и силой, рядом с неопытным и слабым тенором.

Просят 21 февраля участвовать на празднестве в честь Гоголя; буду, вероятно, петь черта в опере «Вакула-кузнец» с недурным меццо-сопрано. Скоро также выступаю в концерте, думаю петь пролог к «Паяцам». Голос мой почему-то поднялся и теперь веру без труда соль и даже соль # [диез].

.....

28 февр. в заседании Географического общества буду делать доклад на тему «Памир в Средние века и Великий Памирский путь»; в Вел. посту буду делать сообщения в военном собрании... рецензии пришлю.

Тем у меня для писания тебе просто целая масса, да времени ни секунды. По сочинению написал почти три главы (около 70-80 стр.). Писал

письма некоторым ученым (в Берлин, Спб) и глубоко тронут их отзывчивостью на мои сочинения и вопросы... Эта любовь к истине, к науке просто трогательна. Например, Гартман профессор Арабского языка в Берлине, кроме милого письма обещал прислать большую справку. Бартольд, – профессор Спб Университета уже прислал таковую... И все это сейчас же, да так все ласково...

Ей же

26 марта 1902 г.

Ташкент

Генерал Иванов вчера возвратился из Петербурга и о судьбе моей записки скоро узнаю. Тогда не забуду сказать и тебе. Сочинение по Индии подвигалось одно вперед – популярное, но начальник штаба, боясь, что я с официальным сочинением (секретным) не кончу, приказал мне перейти к последнему, что я и начинаю.

Командование ротой я делаю так: отправляюсь на год на Памиры и принимаю в управление тамошний отряд (т.е. 7 офицеров, 1 доктор, 200 с лишним человек и население). Управление последним зачитывается нам в командование ротой. Начальник штаба изъявил свое согласие на командирование меня на Памиры и теперь вопрос представляется усмотрению Командующего войсками и потом пойдет в Петербург.

Те в Ташкенте, [которые] меня не знают совсем, развели руками, услышав о моем решении, тебя же... оно не удивит... Ты-то меня знаешь. На Памирах у меня будет полно работы, полная свобода и возможность испытать свои силы и принести пользу... Ведь, подумай, кроме своих людей (до 300), у меня будет свыше 2 тыс. кара-киргизов и до 15 тыс. таджиков. Хотя подвластных Бухаре, но весьма зависящих от меня. Кроме того, граница Памира теперь крайне тревожна: наступают из Индии мои друзья – англичане (такое положение дел и мое знание Памира выставлены Начальником, как

причины моего назначения). Кроме возможности разнообразно работать, командировка представит мне случай закончить изучение Памира и написать о нем сочинение, [которое] давно необходимо. Кроме того, мне хочется дальше еще по одной причине: мы переживаем какое-то смутное время... в воздухе что-то тяжелое и нехорошее. Много из получаемого от вас производит на меня страшное впечатление... От этого томления меня тянет в сторону дикарям. Я не в первый раз с ними встречаюсь, они меня знают (есть даже какое-то прозвище вроде «долговязый тюря»), я знаю их. Отчего же мне не надеяться принести им пользу. А через год, может быть, все уляжется и я вернусь назад в культурную сферу.

.....

Когда приблизительно кончишь Тартарена? Если не нужен «Vel-Ami», то высылай мне его... Я тебе пошлю 2 – 3 книжки... Из них одну Жорж Занда ты прочитаешь без всякого труда... О своих внешних работах не пишу, ибо почти все тебе известно по газетам... с моим тюркским языком дело идет хорошо и я начинаю побалтывать с туземцами, что мне доставляет большое удовольствие. Ты и представить себе не можешь, как природа языка, его оборотов, форма письма... оригинальны, самобытны, интересны... Если месяца через 2 – 3 настолько одолею, что дело будет лишь за практикой, то, может быть попробую и персидский язык.

Музыкальное общество приглашает меня и Данилову участвовать в «Аскольдовой могиле», но мы отказались и предложили сцену из «Демона»... Общество с удовольствием согласилось, но... потом как-то все расстроилось и теперь не знаю, устроится ли.

Моя поездка на Памир сильно меня интригует и я о ней думаю беспрестанно. Первую ночь, как Начальник штаба согласился, я почти не спал... видно таким дураком и умру.

Ей же

13 мая 1902 г.

Ташкент

Не успел перед выездом написать тебе, почему и опаздываю ответом. Неделю провел в Новой Маргелане и был занят некоторыми вопросами по моему будущему отряду. Стою на пороге новой для меня деятельности. Приходится с первого шага быть самостоятельным, только отдавать (а не получать, как прежде) приказания, и думать над вопросами жизненными, широкими и сложными.

Когда-нибудь поговорю с тобою специально о моих памирских задачах, и теперь скажу лишь, что самой трудной в них стороной для меня будет хозяйственная... В моем распоряжении более 100 тыс. рублей, деньги ассигнуются на самые разнообразные нужды, требуют сложной отчетности... надо знать, где и как купить: возможны злоупотребления. Отношение к последним по многим причинам не может быть формально карающим... Словом, я в первый раз буду решать вопрос о суммах казны и о том, как к ним относиться, чтобы и не быть формальным фарисеем, но и не попасть в разнузданные попустители.

Гриммовская история принадлежит к числу наиболее подлых и низменных, какие может придумать человечество. Офицер – чином подполковник – продул Германии или Австрии наши мобилизационные планы, т.е. самое сердце военных секретов. Насколько это сделано широко – нет указаний, но мне передавали, что грех Гримма вызовет трату не менее как в 14 млн... может быть, правда, и здесь наврали.

.....

С моим сочинением идет дело довольно спешно, но рамки, в [которые] я поставлен для выполнения работы, все-таки ужасные; придется в 2 – 3 месяца написать целое сочинение; одно хорошо, что пишу относительно

областей, никому в России не известных, почему и критиковать меня будет некому. Написал пока около 250 печатных страниц; остается около 200...

.....

Как тебе кажется мой тон рецензии на книгу Головиной (о Памирах)? Старался быть возможно мягким. Сумел ли?

На Памиры выезжаю 20-25 июня или, может быть, несколько позднее. До отъезда надеюсь получить от тебя ответ.

Настроение мое ровное и деловое. Занимаюсь гимнастикой, езжу верхом и пишу. Около меня теперь еще более стало животных. К двум лошадям, собаке и коту прибавились еще маленькая свинья и 6 цыплят. Свинья – именем Машка – первое время совсем заполонила мое внимание: мне нравилась в ней отвага. Совсем маленький зверь, а она, между прочим, никого и ничего не боится. Любит, чтобы ее чесали: как только я это начинаю делать, она сейчас же ложится на брюхо или бок и подставляет мне наиболее зудящие части... Занятия тюрским языком 2 – 3 последних недели шли вялее обыкновенного, хотя чтение Евангелия на этом языке доставало мне громадное наслаждение.

Есть сочинение Череванского (или Черевинского), под заглавием «Две волны» (в 2-х томах)... очень живо и занимательно описаны эпохи Чингиса и Тимура... Если выпишешь, прочтешь с удовольствием.

Ей же

4 июля 1902 г.

Получал твое письмо две недели тому назад (или почти) и до сих пор не мог ответить. Сейчас я нахожусь на пути следования на Памир. Последние дни в Ташкенте были сплошной сутолокой: заканчивал свое сочинение, управлял Памирским отрядом (за тридевять земель), готовился к выезду и отдавал дань Ташкенту... Запустил всю свою переписку. Паме написал давно

письмо, но не имею от него ответа... по-моему пусть едет на тиф: опасного в этом не Бог весть сколько, а работа и сознание опасности дадут ему встряску... Она ему нужна, он как-то вял, много живет в фантазиях и недовольно активен... Я ему писал несколько об этом.

.....

Всего своего сочинения не кончил, а только первую часть, [которая] будет иметь 400-450 печатных страниц; с Памиров пришлю 2-ю часть такого же объема. 1-я часть будет отпечатана отдельно и разослана, 2-я последует за ней дополнительно. Рад, что выпустили. Еду со светлым и жизнерадостным челом, хотя меня ожидает много хлопот... доверие начальства и его хорошее мнение иногда бывают очень неудобны. Непосредственная моя задача – управлять отрядом, т.е. жить с ним, производить учения, делать в соседних странах разведки и т.п. Все мои предшественники этим только занимались и имели дела довольно, мне же прибавили столько лишнего, что не знаю, как и справлюсь; начальник штаба просил писать сочинение (это меня устраивает и дает возможность отпечатать еще тысячу страниц), его помощник дал ряд частных задач; ген. Иванов: 1) поручил вопрос о податном обложении киргизов (было решено уже, что Командующий войсками сказал: теперь едет Снесарев, пусть пересмотрит) и 2) по поручению из Петербурга вопрос о припамирских ханствах... перехода их к нам...

Пока я еще не разобрался и смотрю на все, как на какую-то кашу... По управлению отрядом мне дана большая свобода карать и миловать, что меня сильно облегчает: не надо будет сноситься с начальством...

Нас теперь будут разделять пространство в 21-25 дней хода почты, почему старайся отвечать по возможности безотлагательно, иначе в год мы обменяется не более как 4-6 письмами...

Адрес мой:

Его Выс-ю

Ан. Евг. Снесареву

Начальнику памирского отряда.

Туркестан.

Через г. Ош (Ферганской обл.)

На Памиры

.....

Сейчас я в Маргелане, где являлся к Губернатору, в ведении которого я состою; завтра продолжа. Путь на Ош, откуда верхом к себе.

Последние дни в Ташкенте извелся и теперь смотрю сонной-дохлой мухой... Надеюсь на перемену климата и деятельность на воздухе.

С товарищем (Григоровым) при расставании чуть-чуть не разревелись: привычка и уставшие от работы нервы.

Первой частью своего сочинения не вполне доволен: слишком спешил, почему в некоторых местах вышло не вполне ясно, а может быть и нескладно. За 4 (даже меньше) месяца 450 страниц – разве это писание? Это черт знает что: какой-то нервоз, зуд пера по бумаге... Пришлю – увидишь сама... пришлю также тебе оканчиваемую брошюру А.А.Полозова, ибо в ней много моего труда: вся корректура и кое-какие места.

Моя критика Головиной вызвала письмо в редакцию (Ионова – губернатора Семиреченской области)... я не счел нужным отвечать, с чем и редактор, видимо, согласился.

.....

P.S. На Памиры со мной едет «Тамара», 1 ½ месячный щенок – сеттер, моя большая слабость... От земли не видно, а уже носит полоску и перед движущейся бумагой стойку делает... Такова раса.

Э.К.Кивекэсу

Многоуважаемый Эдуард Карлович.

Сегодня – 21 июля – прибыл в кишлак Ван-Кала. Завтра утром трогаюсь

отсюда, в Риваке переменяю лошадь и к ночи буду пробираться в Вам в Хорогш. Прошу на завтра считать меня частным путешественником и никого из-за меня не тревожить.

За чай и постель скажу спасибо.

Жму Вашу руку.

Вам преданный и благодарный

А.Снесарев.

Поклон товарищам

21 – VII – 1902

Киш. Ван-Кала

7 ч. 15 мин. вечера.

К.Е.Комаровой

17 августа 1902 г

Только что приехал из объезда своих западных постов и застал целую кипу писем. В поездке был 8 дней: надо было посмотреть 2 поста, [которые] я еще не видел, а, главное, замутили дело англичане: разведка донесла мне, что 300 человек их войска заняли Сархад (важный пункт в узкой афганской полосе, отделяющей меня от англо-индийских владений). Взял я с собою отсюда 12 казаков и через 4 дня прибыл на Лянгарский пост (в 80 верст[ах] от Сархада). Здесь у меня образовалось: 2 офицера, врач (классный фельдшер), 28 казаков и 16 солдат + несколько (45) вооруженных туземцев. В штаб донес, что если англичане не очистят Сархада, то или двинусь их выгонять, или займу пункт не менее важный чем сархад.

Все кончилось пустяком: англичане не думали занимать, а только затеяли небольшую пограничную ссору, да и всего было у них 150 человек, из [которых] только 50 были вооружены. Вероятно, услышав о моем приходе, они удрали как зайцы. Бегство их тебе будет понятно, если ты вспомнишь, как

боятся русских в Азии... Кроме того, я велел распусть слух, что еду с 25 казаками, сзади меня идут еще казаки, а с вооруженных постов пошла целая сотня. Два дня тому назад возвратился, (был в походе как Святослав: без одеяла, подушки, шел быстро) и застал значительное смятение: бухарцы в мое отсутствие начали грабить народ, приказали мулле утром и вечером кричать со своей крепости молитву... Написал резкое письмо беку, выругал бухарского чиновника, запретил мулле кричать «азан»... Жду ответа от бека, народ успокоился... Словом, неделя или более выпала тревожная; особенно боялся, что придется по своему решению переходить границу с военными целями; страшно было не идти против 300 англичан (как я думал) с 50 человек своих, а начинать это дело по своему почину, без разрешения (у нас есть основная статья закона, карающая за подобные подвиги каторгой, если для решения не усмотрится достаточно оправдывающих мотивов). Но теперь все обошлось благополучно и я смиренно жду из Ташкента нагоняя... «брань на ворота не виснет»...

Твои основательные за меня опасения ты прекрасно разбила сама же верой в мою счастливую звезду: сколько раз в жизни я действовал под флагом этой веры и мое прихотливое знамя меня не обманывало.

Как разнообразно, живо и симпатично мое теперешнее дело, ты и представить не можешь; я с утра до вечера весь словно на свежих, упругих рессорах: бегаю, распоряжаюсь, пишу, ругаю, ласкаю... На верхней полке лестницы моей работы стоит вопрос о войне с англичанами и возможность перейти с отрядом границу – на нижней – необходимость разобрать жалобу публичной женщины [которой] казак, вместо установленных 20 копеек ночью, всунул в руки старую пуговицу от шинели.

Первый том моего сочинения, как мне пишут из Ташкента, начался печатанием, [которое], по-видимому, продолжится не менее 4 месяцев; через 2 месяца думаю прислать им свой второй том.

Брошюра Полозова отпечатана, в ней вышло 143 страницы. Я пришлю

ее тебе, ибо, хотя мое имя там и не стоит (я не согласился), но редакция и корректирование от первой страницы до последней – мои.

.....

Ей же

5 октября 1902 г.

Хорог

.....

У меня же сумбур, гвалт и суматоха. Я окунулся в такие дебри жизни: предо мной вьются лентой любостыжатели, с их первой целью пограбить; формалисты, согревающие свое благополучие под мертвой буквой закона, бездельники, [которые] столь ленивы, что их не пробудишь ни палкой, ни уговором... Если я пробуду здесь год, то усвою жизнь с многих, мне малоизвестных до сего времени сторон... И во всю эту суматоху я вляпался с моей горячностью, идеализмом (иногда сентиментализмом) и большой дозой самоуверенности. Были у меня в последнее время особенно большие схватки с воен[ными] инженерами; пошло много на меня жалоб, собираются съезды, а мне наплевать: они меня в горло, чтобы сожрать, а я поперек, они на меня донесение, а я – благо грамотный – свое; они меня своими паршивыми правилами, а я общим разумом и требованием совести... и какая это все сволочь, как они лгут (т.е., ей Богу, прямо-таки брешут, как сивые мерины), как готовы продуть все родное из-за пришлых проходимцев, [которые] им выгодны на работе и с [которыми] они, может быть, делят барыши...

С бухарцами у меня пока все спокойно; я уже получил за них нагоняй (седые ташкентские дети додумались, что я куда-то лезу не в свое дело и погрозили пальцем...). Ты не можешь себе представить, как все это течет живо, нервно, напряженно. Я сказал выше, если пробуду год. Видишь ли, в чем дело. Общее направление дел из Ташкента ныне очень дрябло, беспринципно и бестолково, что я уже подучил нагоняй за то, что не сделал по-ихнему, а в дальнейшем, если зарвусь, могу быть прогнанным отсюда.

Удовлетворить общему их направлению право нет сил. Теперь усваиваю манеру делать, что считаю нужным и молчать, но, к сожалению, кругом меня много соглядатаев... донесут.

Через две недели выезжаю смотреть посты, почтовую линию и волости, в дороге буду около 20 – 30 дней; придется много увидеть горя, ибо у нас уже холода и снег.

Недавно у меня случилось несчастье: умер от горной болезни ехавший в мой отряд офицер. На всех это произвело тяжелое впечатление. Приказал описать имущество и похоронить: священник и другие атрибуты для нас роскошь. А по постам отдал приказ, чтобы офицеры объяснили нижним чинам, что на службе Его Имп[ераторского] В[еличеств]а умер наш офицер, одели бы чистую одежду и перед образом помолились бы об успокоении души усопшего... Так у нас и было устроено: я сказал солдатам смерти, подошли к образу и начали петь, что припомнили: отче, верую, еще что-то. Упокой, господи и вечную память... при последней молитве стали на колени. В этом было много грустного, но это отсутствие формализма, непосредственность молитвы при нашей обстановке носили в себе что-то трогательное и удовлетворяющее...

Первый том моего сочинения, отданный мною в печать, подвигается очень медленно: пока мне прислали 48 печатных страниц (самую маленькую из 7 глав). На этой неделе я кончаю две главы 2-го тома (стр. 170-190 печатн[ых]) и посылаю в Ташкент.

Рассказать тебе всей совокупности переживаемого нет силы и времени. Среди волнений и нервоза моим утешением является отношение ко мне народа; теперь он перестал меня дичиться и если я еду верхом или гуляю, он приветствует меня. Улыбается и всеми сторонами говорит о преданности. Иной даст 2-3 яблока, другой поднесет цветы, один бедняк дал какую-то маленькую тыкву, а один дал мне недоеденную лепешку... Еще более трогают меня дети, эти прежние дикие зверьки: они бегут мне навстречу, смеются,

несут что-либо – чаще цветы, а еще чаще – веселый поклон... Я чую, что если вылечу отсюда, то это именно за этот забитый, несчастный народ, за [который] я уже грызся с беком, ругал его чиновников и за [который] буду стоять, что бы мне ни стоило.

Начальство мое сильно пере...

[продолжение письма отсутствует]

Ей же

9 апреля 1903 г.

Хорог

Письма так долго идут по назначению, что путаешься, на которое из своих писем получаешь ответ и что было в своем собственном письме. На днях кончил свое сочинение «Северо-Индийский театр», вышло 2 тома, около 400 страниц каждый, не считая приложений; маршруты, которыми скоро займусь, составят уже приложение, и, вероятно, будут помещены в 3 томе... Помнишь, как я тебе год тому назад писал, что я приступаю к писанию, и то, что я при этом переживал. Теперь все это позади меня; я работу выполнил среди других: а как сделал, об этом будут говорить другие. Последний месяц (даже менее) мною было написано около 200 печатных страниц; пиши я так весь год, пришлось бы родить ежегодно 5 – 6 томов сочинений... Но только я не хотел бы такой работы.

В отряде у меня был небольшой период офицерской смуты, теперь, кажется, миновавшей. Задумал я экстренно проверять хозяйство отряда и лавочки постов; все пришло в смущение, немного пообиделись, но я свое дело довел до конца и теперь был спокоен... Всюду у меня дело получает ту ясность и отчетность, [которые] мне хотелось иметь и [которые], все думали, на Памирах невозможны, ибо им сам Создатель велел быть приютом мошенников и разных темных дел... Что мною будет сделано, я решил для ознакомления тебя переслать тебе свой годовой отчет; боюсь, как бы не

пришлось слишком уж обнаружить темное прошлое...

В Ташкенте, по-видимому, начинают вновь все более и более идти мне навстречу, что и слава богу, ибо я, прежде всего, человек рабочий и честный... По поводу чумы прощаются мои резкости и меня уведомляют телеграммами и идут навстречу; вопрос об организации медицинской помощи туземцам, поднимаемый тщетно моими предшественниками, пошел вперед, мой спор с военными инженерами, за исход которого боялись мои товарищи, блистательно кончился в мою сторону (это так интересно, но так мало у меня времени для подробностей), и теперь на Памирах ремонт зданий будет представлен начальнику отряда (пошли лишь судьба, чтобы был человек честный)... Словом... я не имею права капризничать и могу спокойно выразиться, что труд и правда и в глухих углах нашей Родины не так уж загнаны и принижены, как иногда думается...

.....

И мне думается, что если я действительно пойду далеко, то с какими странными гаданиями будут следить за моей работой и движением мои скромные родственные углы, и придет ли им в голову тогда, что при всей внешней оболочке во мне, как деятеле, будет жить тот же попович, по старым приемам решающий дела и в уголках своего генеральского сердца носящий те же скоромные прошлые идеалы: идеалы университета, лишь слегка поправленные опытом, идеалы камышевского дома, пойманные со слов отца и матери... И не будут они тогда наделять меня теми поступками и решениями (вроде женитьбы на графине), [которые] так мало вяжутся с моими понятиями блага в этом мире... И теперь, мало ли у меня данных для крикливых проявлений моей власти, а, между прочим, мне не приходит в голову блажь удостоверить других, что я власть имущий человек, и мне дороже всего признание моих заслуг, не утонченное внимание со стороны офицеров, а случайно, напр[имер], дошедшее до меня известие, что меня нижние чины зовут «отцом родным» и что когда я уезжаю для объезда других постов, они

скачают по мне и нет конца их вопросам, когда я приеду...

.....

Относительно того, возьмут ли меня отсюда или нет, пока не знаю... Туземцы подали мне какие-то прошения, чтобы меня оставили здесь; конечно, это вздор и все будет зависеть от чумы: будет она опасна, вероятно оставят... Во всяком случае, останусь я или нет, а зимой я в отпуск поеду и мы будем вместе, стой лишь разницей, что в случае оставления, за границу мне не доехать, а придется ограничиться Россией...

.....

Вероятно, ты получила один номер Т[уркестанских] В[едомостей], другая статья у меня пропала, а третью еще не напечатали...

Ей же

28 апреля 1903 г.

Памирский Пост

Пишу тебе с Восточных постов, куда прибыл 3 дня тому назад слепой и с натертой ногой; пришлось идти три дня, снег испортил глаза, обувь – ноги; хожу пока на костылях. С этой почтой посылаю тебе 25 и 27 №№ «Туркестанских ведомостей», в кр-х [которых] статья «Афганский эмир и его приближенные» принадлежит одному из моих офицеров, мною отчасти поправленная, а примечания – мои. С посылкой моей книги тебе вышло недоразумение: я не так написал адрес и почтовая контора в Оше не приняла посылки... теперь пишу иной адрес.

Их Хорога уехал после некоторой сцены: моему старшему врачу (одного со мной университета, но на год меня младшего) пришла мысль приводить в крепость туземку, под ту же кровлю, где с нами живет жена одного из офицеров; мне пришлось предложить увести гостью и более не приводить. Произошел разговор, в [котором] мой врач дал мне понять, что это

его личное дело, на что я ответил, что в своем отряде никаких республик не позволю и предлагаю ему исполнить мое приказание... Доктор был обижен; пока я был на Хороге, не выходил к общим обедам и чаю. Подал мне два иезуитских рапорта, словом хотел меня втянуть в историю... Мне волноваться было не из-за чего и я скрутил его по рукам и ногам... Сейчас не могу тебе объяснить, почему я поступил так резко, но упомяну лишь, что: 1) при слабости начальников здесь были раньше ужасные истории, из этой тоже могла вытечь; 2) туземцы смотрят на сношения с туземками крайне нервно и 3) доктор – человек пьющий, распушенный и выброшенный сюда за ненадобностью – вызывал на меры решительные и суровые.

Имею известие, что назначен новый начальник отряда, один подполковник, значит, через 3 – 4 месяца я двинусь отсюда; два месяца пишу в Фергане отчет, а затем к ноябрю или декабрю в Ташкент... затем скоро постараюсь вырваться за границу.

.....

На Восточных постах все нашел благополучно. Люди без меня позволили себе какое-то неудовольствие: беседовал с ними (8 чел.) и сказал, что они не мои... просили сами наказать их, да только не обижаться... теперь поставил кающихся под ружье 5 раз...

Ей же

12 июля 1903 г.

Памирский Пост

.....

Сюда пришел новый отряд и происходит смена. Я полагаю с моим отрядом выступить в середине августа и в конце сентября быть в Маргелане, где буду сидеть за годовым отчетом.

Оттуда или с дороги я напишу тебе подробнее – каков новый отряд, его начальник и как заканчиваю мою работу. Печатание моего сочинения пришло

к концу; мне принесены последние страницы II-го тома (первого вышло 327, второго 359, приложений будет страниц на 50 – 60), ошибок вышло много и мне придется сделать большой столбец опечаток.

.....

Надеюсь, что ты получила мою брошюру о Памирах; статью в «Туркест[анских] Ведомостях» («Вести с Памира») я тебе переслал лишь первую часть, а остальные три соберу ли и сам не знаю.

Если я к концу ноября отделаюсь от работы, а, главное, если меня пустят, то опять выеду за границу и тогда мы в декабре увидимся. Думаю устроить себе командировку за границу на 7 – 8 месяцев, но удастся ли, не знаю.

Кончаю тебе писать, ибо очень хлопотно. Смена отрядов, хозяйственная отчетность, суматоха... сущий извод для меня. К этому сумбуру присоединяется недостаточное спокойствие на Западном Памире.

.....

В.Н.Зайцову²

[Начало письма не сохранилось;
год предположительно, конец 1903,
начало 1904]

...уже Вам пересланы.

В октябре и ноябре объезжая все посты и два раза чуть не погиб (раз терял проводника): возвращался по Оршору, где один раз чуть не утонул, или, по крайней мере, не застудился в воде... словом, как-то не везет; не умею без горячности. Что много сделано, я не буду сейчас говорить Вам...; мне иногда кажется, что много; к добру или злу, но изменено многое... Когда я

² Зайцов Василий Николаевич – начальник пограничной стражи в городе Ош, будущий тесть Андрея Евгеньевича Снесарева. На его дочери Евгении Васильевне Андрей Евгеньевич женился в 1904 году. Романтическая история их любви и счастливой семейной жизни достойны пера талантливого романиста.

буду иметь счастье снова встретиться под Вашей ласковой крышей, я расскажу Вам все подробно; выслушать Ваше мнение мне приятно, как мнение человека знающего и благожелательного, а там (неразб.) я буду слушать, то это весьма может походить на «суд глупца и смех толпы холодной»; разумею моих последующих ценителей. По вопросу о комплектовании типов отряда на следующий год, за себя ответил, что остаться на второй год не желаю, а если подойдет эпидемия к Памирам или вступит на последние, то против оставления ничего не имею.

.....